

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Из комментария к стихотворению П. А. Вяземского «Байрон»

Стихотворение П. А. Вяземского «Байрон» до сих пор не становилось предметом отдельного исследования. Однако, как кажется, оно заслуживает пристального внимания: создававшееся на протяжении почти 10 лет, оно отражает трансформацию литературных и политических взглядов Вяземского в один из важнейших периодов его жизни.

Первая часть стихотворения — 32 стиха до слов «Ей шепчет ветерок и стонет соловей» — были написаны в начале 1820-х гг. и изначально представляли собой заключительные строки стихотворения «Деревня», однако затем были из него удалены и стали основой нового стихотворения. И «Байрон», и «Деревня» принадлежат к одному поэтическому циклу¹, все части которого были написаны в течение 1820-х гг. и опубликованы в 1827 г. Стихотворение «Деревня» является первым в цикле, стихотворение «Байрон» — вторым.

Первые 32 стиха, даже в поздней редакции сохраняющие большое количество переключек со стихотворением «Деревня»², продолжают восходящую к Горацию поэтическую традицию «похвалы сельской жизни» (*beatus ille*)³. Здесь описывается идеальный пейзаж, включающий неперемные лес, скалы, водный источник (который у Вяземского в 32 стихах встречается дважды — «Любил паденью вод внимать с скалы угрюмой» и «Ей [душе] водопад ревет, ласкается ручей»), пение соловья и наслаждение героя природой, его с ней слияние, через которое он постигает мудрость как жизненную, так и поэтическую.

Однако в стихотворении Вяземского горацианская топика дается в романтическом переосмыслении. Если в стихотворении «Деревня» «похвала сельской жизни» сохраняет свое первоначальное значение ухода от несвободной городской жизни к счастливому сельскому покою, то в «Байроне» свойственные этой теме топоры призваны выразить совершенно иную идею.

В стихотворении «Байрон» прослеживается влияние двух романтических поэтов — самого Байрона и Гете. Именно они ввели в поэтический оборот романтизма фигуру Прометея, с помощью которой Вяземский в первых строках развивает метафору поэтического огня. Образ Прометея в романтической трактовке включал две неперемных составляющих — поэтическую и гражданскую. При этом оба «Проме-

тея» — как Гете, так и Байрона — описывают гражданский подвиг античного полубога, не касаясь той части мифа, которая повествует о Прометее, преподнесшем человечеству искусства. В другом стихотворении Гете «Ильменау» Прометей упоминается уже как даритель «небес чистейшего жара»⁴, причем, что знаменательно, в диалоге с удивившимся поэтом, который был «уведен с путей природных» и теперь «лишь трудами» может обрести «то, что ему с рождения дано»⁵. В стихотворении Вяземского образ Прометея используется ровно в том же контексте — по Вяземскому, счастлив тот поэт, который «...внял из колыбели / Ее [природы] таинственный призыв к заветной цели»⁶. Таким образом, в стихотворении Вяземского проявляется только поэтическая составляющая образа Прометея. Однако само упоминание античного героя безусловно имело и «свободолюбивые» коннотации, закрепленные за ним Гете и Байроном.

Как первые 32 стиха, так и все стихотворение «Байрон» развивает тему «Невыразимого» В. А. Жуковского. О невозможности выразить мысль в слове говорит уже эпиграф стихотворения из третьей песни «Чайльд-Гарольда» («но [...] теперь живу и умираю, нерасслушанный, с мыслью совершенно безголосную», то же становится причиной смерти героя стихотворения: «Увы! не выдержал ты пыла мысли знойной»). Однако, как нам кажется, на текст Вяземского в большей степени повлияло другое стихотворение, написанное на ту же тему и в том же 1819 г., что и стихотворение Жуковского. Речь идет о стихотворении К. Н. Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...», представляющее собой вольный перевод 178-й строфы четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда»⁷.

Творчеством Байрона Вяземский начинает интересоваться как раз в конце 1810-х гг., по крайней мере, первое упоминание Байрона в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым приходится на 11 октября 1819 г.: «Я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона, разумеется, в бледных выписках французских. Что за скала, из коей бьет море поэзии! Как Жуковский не черпает тут жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов! Без сомнения, если решусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за английский язык единственно для Байрона. Знаешь ли ты его “Пилигрима”, четвертая песнь? Я не утерплю и верно, хотя для себя, переведу с французского несколько строф, разумеется, сперва прозою; и думаю, не составить ли маленькую статью о нем, где мог бы я перебрать лучшие его места, а более бросить перчатку старой, изношенной шляхе — нашей поэзии, которая никак не идет языку нашему?»⁸.

В приведенном высказывании о Байроне парадоксальным образом сливаются два параллельно существовавших в сознании Вяземского сюжета. Прежде всего, при первой же попытке осмысления творчества Байрона, Вяземский отдает приоритет в переводе английского поэта на русский язык Жуковскому, а сам не претендует на роль переводчика, оправдываясь как незнанием английского языка, так и незнанием языка Байрона — языка поэтического. При этом сам Вяземский намеревается, в первую очередь переводить Байрона прозой (логика этого намерения заключается в том, что Вяземский читает Байрона во французских прозаических переводах Амадея Пишо). И действительно в письме Тургеневу от 17 октября 1819 г. Вяземский приводит собственный прозаический перевод нескольких отрывков из четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда».

В числе этих отрывков встречается и перевод той самой 178-й строфы, которая в это же время привлекла внимание Батюшкова. Сравнивая текст перевода Вяземского с текстом стихотворения «Байрон», можно с уверенностью предположить, что на последнее повлияли не только русские поэтические интерпретации темы «невыразимого», но и ее английский источник. Детство лирического героя стихотворения «Байрон» («Прокладывал следы в заглохшие леса, / Взор вопрошающий вперял на небеса / И, тайною тоской и тайной негой полный, / Любил скалы, леса, и облака и волны»; здесь и далее, если не указано иначе, курсив мой. — М. У.) тематически и лексически перекликается с переводом Вяземского 178-й строфы четвертой песни «Чайльд-Гарольда» («*Дикие леса не без приятности, берега уединенные не без восторгов. Есть сообщество там, где след шагов человеческих неизвестен, и на берегах моря глубокого есть гармония в ея реве*»⁹). Если в стихотворении Вяземского описывается герой, «черпающий огонь из тайных недр» природы, то в переводе из Байрона читаем: «Более люблю природу после сих бесед, в коих убегаю от всего, что был, от всего, чем быть могу, чтобы слиться со вселенною. Я чувствую тогда все, чего ни выразить, ни сдержать не в силах»¹⁰.

Перевод Батюшкова, соединяющий в себе тему «невыразимого» и «байроновский текст», становится прямым предшественником стихотворения Вяземского, если не образцом для него. На его значимость указывает и еще один любопытный факт. В пятой «Записной книжке» после отрывка из «Чайльд-Гарольда», ставшего эпиграфом к стихотворению «Байрон»¹¹, а также некоторых замечаний о «Дневниках» Байрона и греческом восстании, в котором он участвовал, выписан и стихотворный перевод Батюшкова¹². Необходимо уточнить, что запи-

си эти сделаны с разницей примерно в год: строки, послужившие эпиграфом, переписаны в августе 1825 г. (именно тогда Вяземский начинает создавать продолжение «Байрона», о чем речь пойдет ниже), а запись, в рамках которой цитируется Батюшков, датирована июлем 1826 г. Тем не менее, во-первых, записи в «Записных книжках» подчинялись не хронологическому порядку, а жанровому: Вяземский часто вел параллельно несколько книжек, и внесение записей в ту или иную книжку подчинялось тематическому принципу. Во-вторых, Вяземский цитирует Батюшкова, по всей видимости, незадолго до окончания работы над стихотворением — оно выходит в втором номере «Московского телеграфа» за 1827 г.¹³.

Таким образом, в начале 1820-х г. Вяземским написаны первые 32 строчки будущего стихотворения «Байрон», инспирированные во многом Гете и, что наиболее значимо, самим Байроном, однако пока они принадлежат стихотворению «Деревня». Написать отдельное стихотворение, посвященное Байрону, Вяземский задумывает после смерти английского поэта, о чем пишет 26 мая 1824 г. А. И. Тургеневу: «Какая поэтическая смерть — смерть Бейрона! [...] Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый — это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина»¹⁴. Здесь Вяземский еще не решается сам «достойно воспеть кончину» Байрона, предоставляя такую возможность Пушкину. Чуть позже Вяземский предлагает Пушкину возможный план эпитафии (письмо Вяземского не сохранилось), который Пушкин отвергает: «Твоя мысль воспеть его смерть в 5-й песне его Героя прелестна, но мне не по силам — Греция мне огадила»¹⁵. По-видимому, Вяземский предлагал написать условную пятую песнь «Чайльд-Гарольда» о смерти героя в Греции.

Вяземский приступает к созданию стихотворения, посвященного Байрону приблизительно в августе 1825 г., о чем свидетельствуют строки из письма к жене от 12 августа: «Меня ломала слегка стихотворная лихорадка, и я выдрожал или выпотел стихов 50 о Байроне с удовольствием»¹⁶. Судя по всему, Вяземский изначально решил сделать первыми те самые 32 строки из стихотворения «Деревня»: в письме Пушкину из Ревеля от 4 августа он цитирует из него, несколько переиначив, два стиха: «Я полагал, что буду здесь много заниматься и много творить: выходит, что ничем и ничего. И мой Бай, или Бейрон бай-бай! За то сам байронствую, сколько могу. Ныряю и прядю! Здесь есть природа, а особливо для нас, плоских москвичей. Есть будто море, будто солнце, суть будто скалы:

«И тайною тоской и тайной негой полной,
Гляжу на облака, луга, скалы и волны!»¹⁷.

Связь в сознании Вяземского последних строк «Деревни» с фигурой Байрона еще раз доказывает их инспирированность «Чайльд-Гарольдом»; представляется, что именно поэтому Вяземский начинает с них свое стихотворение¹⁸. При этом в 1825 г. Вяземский стихотворение, по-видимому, не заканчивает: в стихотворении всего 102 стиха, а к осени 1825 г., по свидетельству Вяземского, должно было быть написано около 82.

Итак, по всей видимости, первоначальная задумка Вяземского состояла в том, чтобы написать эпитафию Байрону в духе гражданской поэзии. Для Вяземского, как и для его современников, биография Байрона имела две важнейших составляющих — поэтическую и политическую. Смерть Байрона во время греческого восстания делала ее частью жизнетворческой стратегии поэта, мимо чего не мог пройти ни один из откликнувшихся на нее литераторов. Один из наиболее характерных примеров — такая трехчастная характеристика Байрона: «Лорд Бейрон умер — Греция потеряла в нем защитника, — Англия человека с гением, — мир героя!»¹⁹. В письме Вяземскому, посвященном смерти Байрона, А. А. Бестужев использует ту же синтаксическую конструкцию: «Мы потеряли брата, князь, в Бейроне, человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей»²⁰.

Политическая деятельность Байрона в русских официальных кругах воспринималась крайне негативно, поэтому в России первой четверти XIX в. большинство его произведений было запрещено, а информация о его деятельности в Италии и Греции подвергалась строгой фильтрации²¹. В такой ситуации фигура Байрона тем более представлялась идеальным образцом «поэта и гражданина». Обстоятельства смерти Байрона не обошел ни один из поэтов, написавших ему эпитафию, в подавляющем большинстве русских стихотворений на смерть Байрона — И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, В. Федорова, К. Ф. Рылеева, М. А. Бестужева-Рюмина, Д. В. Веневитинова²² — присутствует политическая составляющая его образа, и почти во всех упоминаются греческие события. Не лишены политического подтекста и относящиеся к смерти Байрона строки стихотворения «К морю» А. С. Пушкина.

В этом отношении изначальный план стихотворения о Байроне у Вяземского не оригинален. Он предлагает Пушкину написать произведение, которое бы состояло из трех пластов — древнегреческого (Греция как родина Гомера и потому «колыбель» поэзии²³), новогре-

ческого (здесь, видимо, предполагалось описание конкретно-исторических обстоятельств смерти Байрона) и собственно байроновского (именно его фигура объединяла бы два первых пласта).

Однако стихотворение «Байрон», каким его увидели в печати, не содержит прямых упоминаний греческих событий. И тем не менее, как представляется, оно не лишено политического подтекста. По мнению Вяземского, поэзия Байрона была в первую очередь политической: именно ее Вяземский приводит в пример, рассуждая о французской политической поэзии: «Байрон, в самых поэтических и своенравных порывах гения чудного, во всех значениях сего слова неожиданно и ярко выбрасывает свои мнения политические и говорит в стихах то, что говорил бы прозою в вышней палате, если бурный жребий поэта не обратил бы шотландского пэра в беспокойного и странствующего Чайльд-Гарольда»²⁴. Для Вяземского в поэзии Байрона, которая, конечно, не ограничивалась высказываниями политического характера, именно эти высказывания были наиболее ценны. Байрон был важен Вяземскому не просто как поэт, но как поэт, в стихах которого выражена его гражданская позиция.

В стихотворении Вяземского для описания Байрона используются выражения, по стилю явно относящиеся к семантическому ряду гражданской поэзии, что, однако, прямо не следует из контекста, в котором они употребляются²⁵: «Но не молчит и он: певец *в пылу свободы...*», «Иль, как Перуна глас, [стих его] *казнит слепых невежд*, / В которых, *под ярмом презрительных желаний* / Ум без грядущего и сердце без преданий», «Так ты, *снедаемый тоскою ненасытной* / *И презря рубежи боязненной толпы*, / В полете смелом *сшиб Иракловы столпы*: / Их нет для гения в полете непреклонном! / Пусть их *лобзает чернь в поработенны сонном*, / Но он, *вдали прозрев заповедную грань*, / *Насильства памятник и суеверья дань*, / Он жадно чрез нее стремится в бесконечность», «Забыл и дольний мир, и *суд надменной черни*» и т. п. В рамках стихотворения Вяземского все эти выражения, на первый взгляд, описывают особенности творческой судьбы гениального поэта и никак прямо к гражданской деятельности не относятся. Однако, помещенные в контекст других высказываний Вяземского и его современников о Байроне, они приобретают семантическую амбивалентность.

«Иракловы столпы», которые «сшибает» герой стихотворения, представляют собой предел древнегреческого мира, современным Вяземскому аналогом которого был мир европейский. Преодоление этой географической границы, помимо философского, имеет и конкретно-исторический смысл. Вяземский, отсылаясь о смерти Байрона,

в числе его заслуг упоминает и тот факт, что Байрон умер за границами европейского мира: «Он предчувствовал, что прах его примет земля возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской»²⁶. Для самого Вяземского Европа, конечно, не была «темницей», она становилась таковой только в контексте биографии Байрона.

Смерть Байрона в Греции была отчасти следствием его политической эмиграции, которая, в свою очередь, была идеологически близка Вяземскому: намерение «за Байроном пуститься по всему свету в догонку за солнцем» Вяземский выражал еще будучи участником дипломатической миссии в Варшаве, итоги которой оценивались им негативно. Важно отметить, что политическая эмиграция ассоциировалась в сознании Вяземского, прежде всего, именно с Байроном: цитируя в письме А. И. Тургеневу строки «Но только не к брегам печальным / Туманной родины моей» из стихотворения Пушкина «Погасло дневное светило...», Вяземский комментировал: «Не я ли наговорил ему эту Байронщизну»²⁷. Итак, эмиграция по политическим мотивам, во-первых, вызывала у Вяземского прямые ассоциации с Байроном, а во-вторых, не была чужда и его собственным жизненным установкам²⁸. Это придает таким характеристикам героя стихотворения, как «Колумб новейших дней», или таким о нем высказываниям, как «Так, Байрон, так и ты, за грань перескочив [...] / Забыл и дольний мир и суд надменной черни» отчетливое биографическое звучание.

Журнальные статьи 1820-х гг. пестрят отзывами о Байроне как о человеке, презревшем общественные законы и порядки. Вот, например, «мнение» о Байроне некоего француза, опубликованное в 1821 г. в «Вестнике Европы»: «Чтобы при нынешнем состоянии общества гражданского быть Поетом, для того надобно освободиться от оных оков рабских. [...] Характер и привычки лорда Байрона выражают свойство и независимость гения, который величием своим предохранил себя от мелочей и от рабской зависимости»²⁹. В переводной статье из «Revue Encyclopédique» Байрон характеризуется следующим образом: «Воображение Лорда Байрона, недовольствуясь его окружающим, с радостью возвращается к прошедшему, но, по ненависти к обществу и его учреждениям, или в самом деле он находит у древних народов более той свободы, которую он постиг и которой желает»³⁰. Использование «гражданской» фразеологии для характеристики Байрона было общим местом, обусловленным фактами биографии Байрона — поэта и одновременно общественного деятеля. В посмертном отзыве о нем Вальтера Скотта, опубликованном в «Московском телеграфе», используется та же фразеология для характеристики двух

ипостасей английского поэта: «Как автор, он отказался защищать себя перед судом критики; как человек, он не хотел покориться и быть послушным суду или голосу публики»³¹.

Двойственность образа Байрона активизируется и сравнением его с Зевсом: «То слово — тайное и роковое бремя, / Которое тебя тревожило и жгло, / Которым грудь твоя, как Зевсово чело, / Когда им овладел недуг необычайный, / Тягчилась под ярмом неразрешенной тайны!» В греческой мифологии в результате «необычайного недуга» из головы Зевса родилась Афина, «мысль» Зевса, осуществленная в действии, богиня государственной мудрости и войны, а также, по Гомеру, покровительница греческого народа. В частности, она олицетворяла и гражданскую поэзию — побуждая Жуковского заняться гражданской лирикой, Вяземский писал ему: «А скажи по совести, в состоянии ли ты заняться трудом важным посреди стихии, в коей трепещешь? Миневра выскочила не из напудренной головы. Пудра сушит мозг, поверь мне»³². Вяземский имеет в виду приближение Жуковского ко двору³³, и опасается, что оно пагубно скажется на его общественных взглядах, и, следовательно, на содержании его стихов. Миневра здесь выступает как метафора гражданской рефлексии. В свете сравнения с античной богиней, «несбыточное слово» Байрона можно интерпретировать как нереализованные идеи его либеральной гражданской поэзии.

Итак, отдельные характеристики Байрона в стихотворении Вяземского отсылали через журнальные и иные высказывания о нем, через мифологические и исторические подтексты к собственно биографии английского поэта (к его политической эмиграции в Италию и к его смерти во время участия в греческом восстании) и к его «политической» поэзии. При этом в стихотворении полностью отсутствует прямое упоминание каких бы то ни было биографических фактов, образ Байрона представлен предельно общо, и все же поэтическая «невывразимость» мысли как проблема гениального писателя имеет здесь не только философское, но и конкретно-историческое значение. В описании Байрона вербализуются не только общие черты, свойственные представлению о романтическом поэте, но и невозможность подлинного гражданского высказывания и, как следствие, невозможность реализации собственных политических идеалов. Смерть как действие и одновременно конечный предел любого действия — в данном случае, смерть Байрона — в стихотворении представляет собой то единственное подвластное человеку «слово»: «И жизнь твоя гласит, разбившись на могиле: / Чем смертный может быть и чем он быть не в силе».

И все же почему Вяземский, так активно интересовавшийся биографией Байрона и даже собиравшийся написать о нем статью, не последовал собственному плану и полностью исключил из своего стихотворения какие бы то ни было исторические подробности, сосредоточившись на общей проблеме невозможности политической и гражданской самореализации? Стихотворение «Байрон», как мы помним, было задумано сразу после смерти поэта, однако вышло оно в начале 1827 г. События лета 1826 г. — казнь декабристов и смерть Н. М. Карамзина — отодвинули события греческой освободительной борьбы на второй план. Одновременно крайне актуальной становится проблема смерти поэта, особенно поэта, который был одновременно и политическим мыслителем и деятелем.

В пятой «Записной книжке» 21 июля 1826 г. Вяземский сделал запись, содержащую размышления о казни декабристов. Основную мысль ее можно передать следующим образом: слово не есть еще дело, казни нельзя подвергать за намерение, не воплощенное в соответствующее действие («Что за Верховный суд, который [...] вырывает из глубины души тайные и давно отложенные помышления и карает их как преступление налицо!»³⁴), осуждение на казнь за словесное, а не фактическое преступление, подвергает позору палачей и, соответственно, оправдывает их жертв. Таким образом, смерть становится их оправданием, а не обличением. «Единственное преступление» декабристов, по мнению Вяземского, «в *мнении*, доведенном до *страсти*» (курсив авторский). Вдобавок, как раз в этой записи Вяземский цитирует стихотворение Батюшкова, бывшее переводом из «Паломничества Чайльд-Гарольда» и развивающее тему невыразимости мысли в слове. Так, тема «невыразимого», а вместе с ней и стихотворение «Байрон» напрямую связываются с судьбой декабристов.

Возвращаясь к стихотворению «Байрон», отметим, что именно невысказанная «мысль» стала причиной смерти поэта: «Мысль всемогуща в нас, но тот, кто мыслит, слаб / Мысль независима, но времени он раб. / Как искра вечности, как пламень беспредельный, / С небес запавшая она в сосуд скудельный, / Иль гаснет без вести, или сожжет сосуд. / О Байрон! Над тобой свершился грозный суд! / И лучших благ земли и поздних дней достойный, / Увы! не выдержал ты пыла мысли знойной, / Мучительно тебя снедавшей с юных пор». Сравним с высказыванием Вяземского о декабристах: «Человеку в жару страсти, или страстей своих порочных или возвышенных, все равно не нужно ободрять себя и рассуждениями: он в слепом отчаянии ничего не видит, кроме цели своей, и бешено рвется к ней сквозь все преграды и мимо всех опасностей»³⁵.

Описание смерти Байрона является наиболее поздней частью стихотворения, возможно, она была написана как раз во второй половине 1826 г., что подтверждается и текстологическими изысканиями К. А. Кумпан. Лишенная конкретных деталей, смерть Байрона описывается как искупительная (а именно так воспринимали ее современники), она представляется наиболее значимым действием поэта и мыслителя, как бы отменяющим все предыдущие его поступки и одновременно дискредитирующим действия общества, направленные против него. Итак, стихотворение Вяземского было не только поэтической медитацией на тему «невыразимого» — оно представляло собой и гимн смерти как оправданию политических преступников. Описывая в довольно общих чертах смерть Байрона, Вяземский завуалированно выражает свое мнение о казни декабристов, естественным образом расхолившееся с правительственным. Именно сам факт политического высказывания осмысливается им как поступок: «Не думаю, чтобы удалось мне обратиться своими речами, — пишет он Жуковскому, высказывая свое мнение о казни декабристов, — но, сказав их вслух тем, кому вестись сие надлежит, я почел бы, что не даром прожил на свете и совершил по возможности подвиг жизни своей»³⁶.

Таким образом, последняя, наиболее поздняя часть стихотворения «Байрон» связывает тему «невыразимого» с декабристской проблематикой. По Вяземскому, декабристы были казнены за «мысли», невыразимые в слове — словесное воплощение их всегда ущербно и смысл его зависит от интерпретатора. Соответственно, по Вяземскому, декабристов казнили за несовершенное преступление — в данном случае цареубийство, одни только мысли о котором не заслуживают смертного приговора. Так единственным действием декабристов, по которому о них теперь можно судить, становится их смерть, а действием Вяземского становится публикация стихотворения, где «эзоповым языком» выражено все то, что не могло быть высказано прямо в силу политических обстоятельств³⁷.

Примечания

- ¹ Подробнее о текстологии стихотворения см. комментарии К. А. Кумпан: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 485—487.
- ² В стихотворениях имеются лексические совпадения, вплоть до одинаковых рифмопар: ср. «В полях — сынов земли свободной колыбели — / Стремится бытие к первоначальной цели» («Деревня») и «Счастлив поэт, когда он внял из колыбели / Ее таинственный призыв к заветной цели» («Байрон»).

- ³ Об этом см.: *Мазур Н. Н.* «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»: источники и контексты // Пушкин и его современники: СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 364–419.
- ⁴ Приводится в переводе В. Левика. *Гете И. В.* Собраний сочинений. В 10 т. Т. 1. С. 142. Ср оригинал: «Ließ nicht Prometheus selbst die reine Himmelsglut / Auf frischen Ton vergötternd niederfließen?» (*Goethe J. W.*: Poetische Werke [Band 1–16], Band 1. Berlin, 1960. S. 374.)
- ⁵ *Гете И. В.* Указ. соч. С. 142.
- ⁶ *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 184–186. Далее стихотворение цитируется только по этому изданию.
- ⁷ Четвертая песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» считалась Вяземским и его современниками одной из вершин творчества Байрона (см. отзыв о ней Пушкина: *Пушкин. А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 13. С. 98), но именно 178 строфа привлекала наибольшее внимание поэтов и удостоилась трех переводов, помимо указанных — Батюшкова и Вяземского, еще и И. И. Козлова (перевод этой строфы стал частью его стихотворения «К морю»).
- ⁸ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899–1913. Т. 1. С. 326.
- ⁹ Там же. С. 331.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 119.
- ¹² Там же. С. 131.
- ¹³ *Вяземский П. А.* Байрон (Отрывок) // Московский телеграф. 1827. Ч. 2. С. 41–44.
- ¹⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 48–49.
- ¹⁵ *Пушкин. А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 13. С. 99.
- ¹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. С. 86.
- ¹⁷ *Пушкин. А. С.* Указ. соч. С. 199.
- ¹⁸ Связанность первых 32 стихов с образом Байрона доказывается еще и их созвучностью с речью, вложенной в уста английского поэта П. А. Габбе в элегии «Байрон в темнице». Ср. «В окрестностях Афин, на бреге Саламины, / Любил я соловья внимать в тиши ночной; / И горы, и ручьи, и и на полях руины / Гласили о веках со мной» с «Ей [душе поэта] водопад ревет, ласкается ручей, / Ей шепчет ветерок и стонет соловей». Эти строки стихотворения Вяземского благодаря созвучности с элегией Габбе приобретали не только байроновские, но и политические коннотации, актуализируемые контекстом написания стихотворения «Байрон в темнице». Об этом см.: *Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Ю. М. Лотман. О русской литературе. СПб., 2005. С. 471–495.
- ¹⁹ Лорд Байрон (Сокращ. из Франкф. модн. журн.) // Литературные листки. 1824. Ч. 2. № 11/12. С. 426.
- ²⁰ Письма А. Бестужева к П. А. Вяземскому (1823–1825) // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 219.

- ²¹ Об этом см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 408—429 и прим.
- ²² Стихотворения и библиография печатных откликов на смерть Байрона собраны в работе В. И. Масолва. См.: *Маслов В. И.* Начальный период байронизма в России. (Критико-библиографический очерк). Киев, 1915.
- ²³ Географические обстоятельства смерти Байрона укрепили за ним наименование «британского Гомера». См. надпись на его мавзолее в Греции в 10-м номере «Вестника Европы» за 1824 год (С. 152—153).
- ²⁴ [*Вяземский П. А.*] Письмо из Парижа // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. С. 52.
- ²⁵ Напомним также, что первые 32 строки изначально принадлежат открыто политическому стихотворению «Деревня» и имеют дословные совпадения именно с самыми «свободолюбивыми» его местами. Даже лишившись изначального контекста, эти строки не могли не отсылать к нему, учитывая, что оба стихотворения были опубликованы в 1827 г.
- ²⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 48.
- ²⁷ Там же. Т. 2. С. 107.
- ²⁸ В 1828 г., когда Вяземский был обвинен в развратном поведении и не был взят на службу в действующую армию, в его письмах к А. И. Тургеневу также появляется настойчивая мысль об эмиграции. См. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 182; *Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 315.
- ²⁹ Мнения Француза о Лорде Байроне: Из нем. журнала // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. № 23. С. 202—203.
- ³⁰ *К. П. Б.* О сочинениях Лорда Байрона: Из *Revue Encyclopédique* // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. С. 110—111.
- ³¹ *Скотт В.* Характер Лорда Байрона // Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. С. 30.
- ³² Из писем князя Вяземского к Жуковскому [1821—1828] // Русский архив. 1900. Кн. 1. № 2. С. 183.
- ³³ Письмо написано в 1821 г., когда Жуковский поехал в свое первое заграничное путешествие в свите великой княгини.
- ³⁴ *Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 133.
- ³⁵ Там же. С. 128.
- ³⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. С. 156.
- ³⁷ В работе «П. А. Вяземский и движение декабристов» Ю. М. Лотман говорит о Вяземском как о зачинателе традиции «эзопова языка» в русской литературе: «Вяземский отрицал конспиративные средства борьбы и явно преувеличивал значение легальных форм, но именно поэтому он столько внимания и энергии уделял выработке средств доведения до читателей зашифрованных мыслей». Далее Ю. М. Лотман отмечает, что именно после казни декабристов Вяземский «сознательно стремился [...] создать общественное мнение, на которое можно было бы опереться в борьбе за судьбы преследуемых декабристов». По-видимому, публикация стихотворения «Байрон» была важным шагом в реализации этой программы.